

ТРИ- КЛОУН- ТРИ

ПРОЖЕКТОРЫ, которые должны бы были отдать всю свою силу арене, иногда бесцеремонной слепящей латой проводят по лицам зрителей. Старые, молодые, детские. Цирк уравнивает все возрасты.

Вот, положив руку на колени сына, чтобы не болтал ногами, сидит прекрасный детский хирург. Человек с мрачноватой шуткой: «самые счастливые люди те, которые со мной не встречались». И на лицах мужчины и мальчика одинаковое выражение жадного интереса...

И еще одно лицо. Сильно постаревшее, но все тех же благородных и ясных линий. Назовем его Николай Григорьевич.

Про себя Николай Григорьевич говорил, что он артист. Часто он водил когда-то нас, мальчишек и девчонок, в маленькие московские театры на утренники. Каким-то непостижимым образом в переполненных залах находились для нас свободные места, и мы, счастливые, влезали в свои гнезда-кресла и ждали чуда.

Однажды в соседний двор приехал передвижной фургон, разрисованный шарами и кольцами. В фургоне было очень много артистов. Номера пронзительным голосом объявляла тощая, переливающаяся дама. В перерывах между выступлениями на крохотную эстраду выбегали два клоуна. Суть всех их реприз заключалась в том, что один клоун заставлял второго, у которого болел живот, выпить касторку. А тот не хотел. Как я сейчас понимаю, клоунада была с дальним «медицинским» прицелом. Среди зрителей большинство составляли дети, и, вероятно, таким образом нам хотели привить любовь к этому лекарству. В конце концов непослушный клоун растягивался на полу, поскользнувшись на вылитой касторке. Порок был наказан.

Все время нас что-то беспокоило. В глупо похотывающем клетчатом дуррачке удивительно знакомой была тягучая, с усилием, походка. А когда он неловко упал, морщась от боли, мы узнали нашего Николая Григорьевича.

Может быть, тогда мы впервые почувствовали нестерпимый, обжигающий стыд за другого человека и за самих себя, так спокойно наблюдающих, как перед нами беспомощно он мучается.

Первым не выдержал Алик Глаголев.

Он вскочил на железную трубу, окружающую газон, и завопил дрожащим голосом:

— Граждане, не смотрите туда, смотрите сюда! Смертельный номер «Жизнь — игрушка!»

Он сел на трубу, вцепился в нее побелевшими пальцами и перевернулся затылком назад. И еще, и еще. Кругом смеялись: самодеятельный циркач с треугольными коленками был удивительно забавен. Но мы, мы-то знали, как это страшно и трудно лететь головой в нескольких сантиметрах от асфальта. Алик все кувырчался... Тощая женщина кричала: «Хулиганы!» — хватала нас за руки и оттаскивала от фургона. А в лужице из-под касторки, одной рукой обхватив себе горло, сидел большой клетчатый человек...

Уже затем, когда он отобрал у правдома ключи от красного уголка, где нас всех за безобразие заперли, Николай Григорьевич, очищая Аликов чуб от застрявших там травинки и веточки, сказал:

— Сегодня вы поняли, как тяжело быть придуманным человеком. От этого всем бывает неловко и тяжело...

...ЛУЧ света уехал дальше. И в пересечении огня возник человек, который в течение двух часов будет легко и играючи доказывать, что простодушие, наивность и естественность — одни из самых прекрасных качеств, присущих людям. Что нелепость очаровательна, когда искривлено сердце, и что маленькое смешное существо носит в сердце грусть и боль, которая ничуть не меньше, чем у активно страдающих героев.

Енгибаров взял от маленького человека такие традиционные атрибуты, как котелок, платок в крапинку и большие, не по размеру, ботинки. Взял, вероятно, потому, что для нас, зрителей, они давно стали принадлежностью определенного типажа.

А что если артист взял бы да и отказался от всех этих атрибутов? Вышел бы на сцену в простом цивильном костюме. Пропало бы озорное и одновременно грустное обаяние Енгибарова? Думаю, что нет. Может быть, оно прорвалось бы чуть позже, но прорвалось бы и сквозь строгую повседневность обычного вида.

Вот он появляется на арене. Медленно и как бы нехотя становится на руки. И начинает... думать. Мысли эти нельзя услышать, но их можно увидеть. Они в грустно покачивающихся — то безвольно нинующих, то подбадривающих одна другую ногах. в теле, каким-то чудом держащемся на одной руке над самой плоскостью ковра. В том, как одна замысловатая поза сменяет другую, а человеку все неудобно, все он не может найти того единственного, простого положения, в котором ему было бы покойно и свободно. И так он может изогнуть-

ся, и этак, а все не то. Он и сам словно удивлен, почему столь простая вещь оказывается невыполнимой, и уходит с арены еще медленнее, чем пришел. Большие подошвы тяжело тянутся по ковру.

На мой взгляд, этот номер — лучший в программе Енгибарова: человек осознает себя, свою жизнь — в движении. Причем не в пантомиме, что уже стало привычным, а в открытой акробатике. Искусстве, как принято считать, мускульном, а никак не интеллектуальном.

Цирковое искусство настолько старо, что выдумать что-то новое (честь и хвала Енгибарову, создавшему совершенно оригинальный номер!) бесконечно трудно. И, вероятно, поэтому развитие цирковых миниатюр сейчас идет не столько за счет новых сюжетов, сколько путем использования уже известных сюжетов определенной актерской маской. И уже из характера этой маски рождается трюк, раскрывающий индивидуальность актера.

Маски Енгибарова — это как бы крохотный микромир, прозрачный и легкий, как капля воды, в котором находит отражение мир большой. Конечно же, маленькой капле не вместить все многообразие человеческих связей и отношений. Но крохотные символы-миниатюры кричат о том, что простота, естественность, чистота и непосредственность облагораживают эти связи.

...Рядом со мной сидит Анатолий Марчевский. Мы познакомились перед самым выступлением Енгибарова. Мне Толя в переполненном зале место отыскал, а себе уже не смог. Впрочем, он быстро и удобно расположился на ступеньке. И сразу стало понятно, что это человек в цирке свой. Может быть, пройдет несколько лет, и имя Анатолия Марчевского будет так же известно, как имя Леонида Енгибарова.

Толя тоже клоун. Только пока он еще учится разным «корючкам», как называются на языке цирковых артистов трюки. Напряженно, внимательно (только профессионал так следит за работой профессионала) он смотрит, как работает Енгибаров.

— Хочется что-нибудь позаниматься? — спрашиваю я.

— Нет. Цирк круглый, со всех сторон воровство будет видно. Другое дело, что какие-то трюки Леонида Георгиевича наталкивают меня на мысль, термочап фантазию.

— Толя, а вы будете работать в той же манере, что и Енгибаров?

— У меня другой характер. Моя краска — это радость, полная и безграничная. Цирк тем и хорош, что дает возможность создать любую маску. Только, чтобы была неглупой и естественной.

Е. БОРИСОГЛЕБСКАЯ.